

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И НОВЕЛЛ Р. БЕГИЕВОЙ-КУЧМЕЗОВОЙ (КНИГА ПРОЗЫ «МГНОВЕНИЙ КОЛЬЦА, ВРЕМЕНИ КРУГИ»)

А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В статье рассматриваются доминирующие элементы поэтики постмодернизма в творчестве отдельного писателя. Объектом изучения избраны произведения современного балкарского автора Р. Бегиевой-Кучмезовой, опубликованные в дебютной книге «Мгновений кольца, времени круги» (2016). В обзорной части исследования обозначены основные принципы указанного творческого метода, подчеркнута влияние постмодернистской эстетики на формирование авторского стиля. В процессе анализа демонстрируются возможности применения соответствующего художественного инструментария в циклическом построении повествовательных текстов, разъясняются способы последовательного сцепления автономных рассказов (новелл и миниатюр) в единый цикл на основе сквозных героев и тематических линий по принципу обрамления. Произведения рассматриваются с позиций жанровой принадлежности, стилистического оформления и структурных особенностей. Специфичность их содержания обусловлена множеством аллюзивных фрагментов и прецедентных включений, формирующих фантазийную реальность, мистическое мироощущение. Отмеченные качества являются характерными признаками литературного направления, которому писатель неизменно следует в своем творчестве. В заключении определяются перспективы развития балкарской литературы, ее динамика на современном этапе, отмечаются новые целевые установки художественного творчества, способы их реализации ресурсами постмодернистской поэтики.

Ключевые слова: постмодернистская эстетика, авторский стиль, повествовательный цикл, рассказ, новелла, аллюзия, интертекст.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021

Принята к публикации 14.10.2021

Для цитирования. Болатова (Атабиева) А.Д. Преломление постмодернистской эстетики в цикле рассказов и новелл Р. Бегиевой-Кучмезовой (книга прозы «Мгновений кольца, времени круги») // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 100–108. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-100-108

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап эволюции повествовательных жанров карачаево-балкарской литературы находится под влиянием новой эстетики и характеризуется видимой трансформацией художественного пространства, образной системы и форм проявления условности. Возникнув в период осязаемого кризиса мировоззрений, постепенного перестраивания человеческого сознания, дезориентированности общества из-за изменений в культурно-бытовой среде (глобальная информатизация, технический прогресс, ослабление межличностных связей, ускорение темпов жизни), постмодернизм как литературное направление декларирует идею иронического переосмысления прошлого и настоящего. В атмосфере

«усталого» пессимизма на основе специфического мировосприятия художниками вырабатывается усложненная модель реальности, отвечающая запросам нынешнего времени.

Пути развития современной реалистической прозы ведут к непривычному для региональных литератур методу освоения действительности, когда писатели стремятся мыслить глобально, не ограничиваясь одним лишь этническим мировоззрением, начинают руководствоваться новыми критериями художественного познания и психологического анализа для раскрытия противоречивой диалектики человеческой души в сопряжении со средой существования.

Что же касается жанрового состава, активно разрабатываемые в предыдущие годы повесть притчевого характера и роман-миф уступают лидирующие позиции малым формам – рассказу, новелле и миниатюре. Относительная компактность и содержательная фрагментарность не умаляют их художественной ценности. Писатели получают возможность посредством таких форм фокусно отразить волнующие их темы. «Как и повесть, рассказ сосредоточен на современности. Однако тематика и проблематика, его жанровые модификации гораздо более многообразны, чем в повести, что и определяет его функции в современном литературном процессе» [1, с. 168].

Преобладающей чертой поэтики подобных произведений является интертекстуальность. В оценке литературной критики творчество представителей постмодернистского направления характеризуется как «чрезвычайно пестрое» и «неординарное», преподносится «шокирующе авангардным». В настоящее время действительно наблюдается существенный перевес художественного творчества в пользу альтернативного отражения реальности, внимание писателей сосредоточено главным образом на подсознании личности, они увлечены экспериментированием с формой в поисках эффективных способов воплощения конкретной идеи. Литература XXI века ориентирована на раскрытие особенностей человеческой психики в процессе соприкосновения с окружающим миром, а также философское осмысление жизни посредством аллюзии. Этим обусловлена активная реализация символических планов в художественном тексте, наблюдается тяготение к концептуальной многозначности произведений, смысловой перспективе их содержания.

Художественная условность как достаточно эффективный метод обобщения занимает главенствующую позицию в современной философской и психологической прозе, в постмодернистском и неомифологическом направлениях. В свете отмеченных тенденций следует пояснить, что национальная литература несколько выбивается из общей траектории движения, поскольку в настоящее время в мировой литературе получили широкое распространение научная фантастика и жанр фэнтези, являясь легким способом привлечь внимание читателя. «Чтиво» продолжает уверенно вытеснять литературу классического образца. Однако вышперечисленные формы не прижились в творчестве балкарских писателей, и данное обстоятельство является следствием нерушимой связи с этническими корнями, безусловной необходимостью самоидентификации. В ареале национальной прозы трудно обнаружить произведение, которое можно отнести к разряду фэнтези, хотя в определенной степени заметно тяготение к обоснованию мистической стороны жизни. В основу художественного творчества современных авторов положены иносказательная форма передачи жизненных реалий, глубокое осмысление вопросов духовного порядка, идея осознанности, определения человеком своего места в стремительно меняющемся мире.

Анализируя характер употребления определенных вариаций художественного вымысла на различных этапах эволюции словесного искусства, стоит сказать и об идеологических ограничениях литературы в определенные моменты истории. Так, в эпоху соцреализма

практически не существовало альтернативного взгляда на искусство, условность понималась как метод, противоречащий реалистическому отражению действительности. Такое ограниченное толкование не было на пользу художественности литературных произведений того времени. Постперестроечная эпоха, наоборот, характеризуется акцентированным вниманием ко всему этнически маркированному, усилением национальной специфики, обращением к корням.

В художественной прозе современности наблюдается другая крайность – возведение вымысла в абсолют, намеренное размывание этнической составляющей, приближенность к «планетарному мышлению» (когда человек преподносится гражданином Вселенной). Этот принцип взят за основу как раз постмодернистским течением. В литературной критике данное явление интерпретируется следующим образом: «Для отражения насыщенной картины изменившегося мира и художественного сознания современные писатели вынуждены находить иные, значительно более сложные формы художественного дискурса, который унифицируется с мировыми тенденциями и приобретает черты, свойственные произведениям мировой литературы. Это доказывает универсальный принцип развития национальных литератур, в частности доминирование мифопоэтики» [2, с. 27]. Авторы, мыслящие общими категориями, избегают этнической привязки в содержании своих произведений, создаваемая ими картина мира преподносит искаженную модель реальности (однако есть и исключения).

Постмодернистская литература идет по пути синтезирования различных стилей, «включая в свою орбиту» универсальные идеи, берет во внимание «множественность истин». Художественный текст монтируется по принципу «двойного кодирования» из обрывочных картин действительности с активным использованием вымысла, игры словом, смены масок, порождения новых смыслов. Немаловажен в тексте и момент оценочности, иронической авторской трактовки. Путем совмещения определенных комбинаций произведение превращается в многоуровневую структуру, удаленную во времени и пространстве, но вбирающую в себя весь мир, что довольно затрудняет восприятие концептуального содержания. Создание символических «лабиринтов», запутанность сюжетных линий, отсутствие упорядоченности требуют от читателя наработки определенных навыков с тем, чтобы распознавать подтексты.

В балкарской литературе примером подобного мироощущения является русскоязычная проза Б. Чипчикова, Т. Толгурова. В данной статье мы сфокусировали свое внимание на творчестве малоизученного автора Р. Бегиевой-Кучмезовой и ее дебютной книге «Мгновений кольца, времени круги» [3]. Уже в самом названии сборника заметно тяготение автора к необычному прочтению обыденных вещей, пристрастие к иносказанию. Циклизация – один из активно используемых приемов построения повествовательных текстов. Рассказы, новеллы и миниатюры структурированы таким образом, что последующее произведение воспринимается логическим продолжением предыдущего.

Тексты характеризует своеобразная ритмика, язык произведений довольно специфичен. Разные жизненные ситуации и человеческие судьбы отражены в них, как в зеркале, и в восприятии автора представляются как «*нити разноцветные, нити перепутанные*». Воображение художника рисует неожиданные метафоры-тождества: «*волосы-брызги*», «*волосы-петли*» («И тогда шел дождь»), «*руки-травы*», «*руки-гнезда*», «*руки-убежища*» («Приходит птица»), «*улыбка-молния*», «*корни-зверинец*» («Позвал человека голос»), «*цветок-колыбелька*», «*слова-лоскутья*» («Сказка и быль»), «*ожидание – минуты с гирями*» («Сон или явь»), «*голос-хворостинка*», «*злоба – майский жук над ухом*» («Речки из сна»), «*годы – карманные воры*»,

«земля – панцирь черепахи» (пьеса «Охотники зимой»), «яма-западняя», «яма – последняя дверь», «человек – дитя девяти месяцев» и т.п. Этот ряд ассоциаций расширяется в процессе чтения книги. *Морщины на лице* старушки видятся *линиями-знаками на руке*, а *душа* может быть *теплая и вкусная, как кукурузная лепешка в золе*. По мере включения в художественный мир рассказов читатель углубляется в мир почти сказочного вымысла, который сравним с контекстом «Маленького принца» А. Экзюпери. Оптический обман, ощущение ирреальности происходящего, перечисление событий вне времени создают должный притчевый эффект. В комментариях к книге писатель Н. Соколовская отмечает: «Это тексты-притчи, а притча – древний жанр, все Главные книги написаны притчами».

Для творческой манеры Р. Бегиевой-Кучмезовой характерно употребление слова в непривычных позициях (эта особенность просматривается и в прозе Б. Чипчикова), автор жонглирует словом, экспериментирует со смыслами: *бездна без дна, тень тени, вечер дня, память больна, слышала неслыша, пришла ночь и не ночь, уходящие, догоняющие, стоящие на месте, все стоит на месте*. Доминантная стихия в анализируемом сборнике – *вода, водный поток* во всех ипостасях – *река, ручеек, родник, озеро, дождь*. Человек, проживший жизнь впустую, входит в *реку*, поджидающую его (имеется в виду смерть, уход в иной мир), *«у того душа пустая, мутная на волнах»*, мир трактуется временным пристанищем. «Уметь умирать», «уходить всегда трудно» – мысли, вбирающие в себя глубокое философское содержание. В оценке человеческой жизни художник исходит из степени духовности. *«Кто-то смотрел под ноги, когда надо было в лицо»*, *«Кто-то плохо видел или видел не то»*, *«Все, что за чертой меры, проклято»* – таковы соображения автора. Она берется разъяснить своему читателю важный момент – не все, что видится святым и светлым, следует принимать за благо, и не все из тех, кто кажутся далекими от Бога, попадут в ад. Эта мысль закрепляется в сознании посредством внутритекстовых включений притчевого характера.

Писатель довольно часто прибегает к инверсиям, религиозным аллюзиям, знаковым прецедентным текстам, примерам из устнопоэтического наследия народа. Их скопление наблюдается в рассказе «Все, что за чертой меры, проклято». Мотив о *древе познания и яблоке греха*, библейский сюжет об Аврааме и жертвоприношении Исаака поданы в своеобразной трактовке. Странное на первый взгляд словосочетание «соль в душе» следует понимать как выкристаллизованный опыт. Произведение «Сказка и быль» повествует о красивой девушке с говорящим именем Жансурат («жан» – душа, «сурат» – рисунок), у которой есть существенный изъян – отсутствие души, девушка не умеет испытывать страх и плакать не умеет. По иронии окружающие люди обращаются к ней «жаным» (душа моя). Заблудилась она однажды в лесу. Дух леса Апсаты наблюдал за ней и чувствовал, что нет в ней тепла, она как случайный рисунок на снегу, «рисунок души».

Продолжая размышлять о душе, художник приходит к выводу, что *«некоторые носят в себе – змею, птицу, сорняки, ландыши, а некоторые – мертвые, без души»*; *«кто-то иногда теряет ум, кто-то душу»*; *«она из тех счастливых и бедных, кто уронил свою душу и даже не заметил»* (пьеса «Охотники зимой»). В авторской интерпретации «душа, оказывается, имеет глаза, руки, губы, сердце, и все расчленено, отброшено», это значит, что человек должен соблюдать вселенские законы, которые позволят ему сохранить целостность своей души. В произведениях Р. Бегиевой-Кучмезовой есть указание на «необъятность ничтожного» и «измеримость великого». Видимость и суть явлений окружающего мира часто не соответствуют, они неравноценны.

В своем творчестве писатель нередко обращается к числовым формулам: *три* мира («Сказка и быль»), *три* птицы, влетающие в окно, *три* года и *три* месяца времени полу-

чил в дар («Сон или явь»), *«три купола, три входа в три мира»* («Кто снился кому»), *«семь кругов поднебесья и семь ступеней подземелья»* («Позвал человека голос»); омовение человека водой из *семи* родников, из *семи* источников (пьеса «Охотники зимой»). Часты упоминания о присутствии *двух* больших глаз, наблюдающих за тем, что происходит в мире, *двух* сложенных ладоней, черпающих влагу, дарующих благо, рассказывается о клевере с *четырьмя* листочками, *пяти* камушках, *девяти* месяцах развития человека в чреве матери, *девяти* планетах и *девяти* стихиях («Если бы человек знал меру»). Числа кратно повторяются, за счет чего усиливается их магическое значение.

Отмечая структурные особенности анализируемых произведений, необходимо заострить внимание на цикличности построения всей книги. «Все эпизоды складываются в целостную картину, симметричную соразмерность частей. Периодичность текстовых элементов заставляет читателя соотносить отдельные фрагменты друг с другом, стараясь нащупать контекстные переключки. Процесс развития сюжета, простирающегося во времени и пространствах, реализуется методом проекции, что позволяет фокусироваться на главном, объединяющем мотиве. Своеобычно структурированный ход событий способствует постепенному «погружению» в смысловые поля цикла» [4, с. 202]. Один образец соединен со следующим подобно венку композиционным приемом обрамления (завершающие фразы одного текста становятся продолжением другого), благодаря чему рассказы сцеплены по смыслу. Объединяющими сквозными образами являются героиня-рассказчица и мудрый старец, одаривающий слушателей очередной сказкой. Одни из этих историй, как бабочки, легкие, другие – тревожат, третьи, как голый лес, печаль и туман, ничего в них не разглядеть и не понять. В конце каждого текста дается продолжение диалога, и только главным героям известно, о чем пойдет речь в следующем рассказе.

Произведения Р. Бегиевой-Кучмезовой учат человека распознавать и угадывать знаки вокруг. Героиня-рассказчица напоминает читателю о том, что у каждого есть своя *гора*, она зовет, манит, и кто-то ведет к ней, какая-то неведомая сила, *всевидящее око*, *наблюдающий глаз*, слышится *зовущий голос*, видится *небесный лик*. В художественном тексте все завуалировано, запутано, перемешано, одна картина сменяет другую, информация, которую они несут, ожидает считывания, расшифровки смыслов. Как пишет автор, *«все зависит от того, кто смотрит и как смотрит»*. *Круг* – постоянно озвучиваемый символ в творчестве писательницы. Он постоянно вращается, в его траекторию включены все жизненные циклы (от рождения до смерти). *Руки, протянутые ладони* также проходят рефреном в ее произведениях. *Два купола рук* вместе образуют тот же *круг*. Сложить ладони означает получать и отдавать, быть открытой миру. Запоминающиеся ассоциации связаны с образом *дерева* (ели или сосны). *Деревья*, укутанные в листву, называются *«сытыми и высокомерными»*, лишь осенью и ранней весной, когда они обнажены, *«все их линии как на ладони»*, согласно наблюдениям художника, в этот момент *«они безгрешны и чисты»*.

Произведения начинены внушительным арсеналом выразительных средств, всецело подчиняя содержание авторской концепции мира. Условность в данном случае приобретает характер системы, выступая в разном качестве, но являясь непременным атрибутом текста. В рассказе «И я любил» выявляется знаковое аллюзивное включение – привычные действия в молитве мусульманина, его обращение к ангелам на правом и левом плечах, которыми ведется список благих и греховных деяний человека. Героиня пьесы «Охотники зимой» говорит о возможности исповеди (христианское таинство) немому и глухому слушателю в окошке, сожалея, что в исламе такое не приветствуется, зато в народе существует

языческая традиция рассказывать все плохое *реке*, она очистит. Помимо религиозных моментов, в тексте обнаруживаются примеры применения практической магии, гадания на судьбу при помощи кукурузных зерен (существовал и вариант использования бобов). В указанном произведении также цитируются поэтические тексты Дж. Кошубаева, Г. Яропольского (стихи о снеге). В другом образце приводится отрывок из стихотворения А. Блока: «*Есть дурной и хороший есть глаз,/ Только лучше б ничей не следил:/ Слишком много есть в каждом из нас/ Неизвестных, играющих сил*» (узнаваемый мотив о всевидящем оке).

Значимыми линиями в прозе Р. Бегиевой-Кучмезовой являются «опрокинутость» («*опрокинутый лик пророка*», «*опрокинутая боль*», «*перевернутые к небу корни дерева*»), «блуждание» (в сумерках, в лесу, в пустыне), «ожидание» («*мрачный волшебник ожидание*», «*ожидание – минуты с гирями*»). *Время* мыслится как дар, как *зелье из бутылочки*, *память* же подается как *картина с сюжетом*. Человеческие увечья, недостатки, изъяны (чаще внешние) компенсируются сопутствующим даром и трактуются как дополнительная возможность, данная свыше. «*Обделенный Богом иногда наделяет людей*», «*наделенный всем держит в руках переполненную чашу*», его движения ограничены, все внимание приковано к сосуду, чтобы не расплескать содержимое; «*Он ничем не может наделить*», – резюмирует рассказчик. Разные формы межличностных отношений писатель именуется «болезнями», однако они же могут стать своеобразными способами «продления жизни».

Олицетворениями *зла* в контексте рассказов и новелл выступает ряд символических образов: *жаба*, *лягушка*, *змея*, *муха*, *зверь*, *паутина*, *окна без стекол*, *пустыня*, *яма*, *сумерки*, *скорлупа*, *мутная вода*, *ледяная вода*, *тина* и т. д. На пути к счастью человеку необходимо *растопить ледник*, *выгнать мух*, *убрать скорлупу* на сердце, посадить персиковое дерево с бархатными плодами. В роли пространственных символов выступают *река*, *гора*, *море*, *лес*, *небо*, *яма*, *комната*.

Необычное прочтение характеризует рассказ «Светилась ты одна в темноте». Следуя закону интертекстуальности, в художественный текст внедряется вставка-притча, которая разъясняет отношение автора к времени: «Как мне явиться пред человеком, чтобы он не окаменел от ужаса?» – спросила *Бесконечность* у богов, и подарили они ему *небо*. «Как мне стать пред людьми, чтобы не задохнулись они от ужаса?» – спросила *Вечность* у богов, и подарили они *любовь*. Стоят *горы*, каждая, как высеченная притча, только бы уметь прочесть. И неожиданное продолжение: «Как мне предстать перед человеком, чтобы устоял он на ногах?» – спросило *Забвение*, и воздвигли боги эти *горы*, в которых воплощена память.

Некоторые произведения ошеломляют неожиданностью завершения. Сверкнет яркая картинка и потухнет. Загадочность и «опыт непостижимого» наполняют текст до краев. *Жизнь* в целом для автора – *загадка загадок*, а повторения в ней – вечны. Истории, рассказанные писателем, являются попыткой своеобразно осмыслить жизнь, открыть завесу тайны. *Судьба* уподобляется *роднику*, но чтобы он не растекался, нужна стена, если есть щель, вода уходит в никуда, остается не родник, а *лужа-тина*. Автор абсолютизирует значение слова, оно требует ответственности, поэтому рассказчик напутствует своего читателя: «*Будь со словами осторожна, такой миг бывает, что небо их слышит и возвращает*», «*Опасайся того, кто с ними не осторожен*».

Очевидно, что в творчестве Р. Бегиевой-Кучмезовой особое место отведено сфере мистики. Писатель выделяет среди обычных людей тех, кто отмечен «*желтым духом*», т.е. наделен проклятием ясновидения, такие люди несут «бремя избранности». В палитру цветообозначений включены *белый*, *черный* и *зеленый* цвета, однако самый запоминающийся оттенок – *фиолетовый* (превалирует в творчестве многих писателей-постмодернистов, яр-

кий пример тому – «Легенда о белой птице» Т. Толгурова). Земля «одета» в *фиолетовый панцирь* и *пустыня фиолетовая*. С этим цветом связаны мистические явления, магия, сверхъестественное. Герой пьесы «Охотники зимой» Шах наделен способностью видеть будущее, предугадывать события в жизни людей. Так, о приближении беды или смерти он узнает по *фиолетовому пятну*. В подобных текстах всегда сокрыта неразгаданная тайна.

Наиболее проникновенными в прозе писательницы, на наш взгляд, являются произведения «Семечки чинара» и «Как было не сказать», которые выбиваются из общей тональности книги. Это как раз те исключительные примеры, где «национальное» присутствует на всех уровнях художественного текста. В содержание рассказов включены драматические сюжеты о выселении. В первом тексте упоминается женщина по имени Таужан (Душа Горы). Наши предки, пишет автор, «загадывая предугадывали», давали говорящие имена, просвечивающие душу. Она была той, что рождена «с *отметиной*», видела будущее, чувствовала, «как ползет беда», ожидающая народ. Трагедия депортации, подобно *пожару*, охватит все: «*Кто сгорит, кто почернеет – у всех останутся следы от ожога*», ассоциация с *огнем*, обложившим в *кольцо*. Далее обрисована история о том, как мальчишку-балкарца избивают пятеро задир из чужого поселка, мать бежит к нему и повторяет: «*Бейся, не оглядывайся!*», «*Уж такая судьба у нас. Стоять одному – против пяти. И выстоять. <...> Без этого нам не выжить. Знаю, прав ты. Правые не идут на одного стаей!*». Сколько мудрости в этих словах, и насколько концентрированной становится боль.

Героем второго из названных произведений выступает Кайсын Кулиев, здесь автор повествует о том, как поэт возвращается в опустевший, безлюдный Чегем. Неслучайно писателем приведена цитата из его стихотворения: «*Уж, право, лучше стыть в могиле, чем знать, что нету ни души. В краю, где рождены вы были*». Обрато Кайсын ехал молча, потрясенный увиденным. Из окна машины он наблюдал, как на горном склоне паслась отара овец, и вдруг вскрикнул от неожиданности, выпрыгнул из машины, а навстречу ему бежали два волкодава. Поэт подошел к ним со словами: «*Ах, жарлы парийлерибиз, къалай турасыз бизсиз?*» («*Ах, бедные наши псы, как вы живете без нас?*»), мягкий голос этого человека и привычный слуху язык «*опрокинули их навзничь, и они ползком, сраженные внезапной радостью, приблизились к нему... Однолюбы, гордые, верные – эти собаки видели Кайсына впервые. Хозяин у них был другой. И что-то от хозяина, который ушел и не вернулся, которого они ждали и ждут, было в этом человеке, в его руках, словах, слезах. <...> Разъяренные, огромные псы, перед которыми отступали волки, остановились как вкопанные в шаг от Кайсына*» [3, с. 130]. И после того, как машина тронулась, они продолжали бежать за ней. В этот короткий эпизод из жизни, поражающий своей реалистичностью, автор сумела вложить всю боль обездоленного народа. И уже без прикрас, без тени иронии, без художественных изысков и изощрений.

Культурно-художественное сознание современного общества сформировало новый тип реалистического искусства, обозначаемый в литературоведческой теории как символический реализм, специфика и перспективы развития которого еще не осмыслены в полной мере. Обилие стилей, разнообразие форм художественного обобщения, поиск оригинальных творческих решений стали благодатной почвой для возникновения специфических направлений в современной литературе, подразумевающих синтез разнополярных категорий. Отследить индивидуальные художественные средства каждого автора в рамках данной статьи не представляется возможным, допустимо лишь выделить общее направление развития и характерные черты соотношения реальности и вымысла в контексте создаваемых ими произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из привлеченного художественного материала и результатов исследования, можно сделать вывод, что в современной национальной литературе наиболее проявлена эстетика постмодернизма, часты заимствования знаковых, устойчивых сюжетов в необычном прочтении, обращения к различным вариациям условности (аллюзии, цитатность, прецедентные включения, интертекстуальность). Проза Р. Бегиевой-Кучмезовой является показательной с точки зрения приверженности к постмодернистскому течению. Анализ ее произведений способствовал выявлению характерных приемов, способов символического обобщения, циклического структурирования повествовательных текстов. На их примере разъяснена специфика авторского стиля, мировоззренческие основы творчества, дано целостное представление об особенностях восприятия реальности и методах ее художественного отражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тхагазитов М.Ю.* Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). Издание 2-е, переработанное и дополненное. Нальчик: Эльбрус, 2006. 278 с.
2. *Хакуашева М.А.* Современная адыгская русскоязычная литература: некоторые аспекты художественной эволюции. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2017. 411 с.
3. *Бегиева-Кучмезова Р.* Мгновений кольца, времени круги. Книга прозы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. 244 с.
4. *Болатова (Атабиева) А.Д.* Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) // Электронный журнал «Кавказология». 2020, № 3. С. 187-204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204>

Информация об авторе

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН; 360000, Россия, Нальчик, ул. Пушкина, 18; bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

REFERENCES

1. *Tkhagazitov M.Yu.* *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov (opyt teoreticheskoi istorii: epos, literatura, roman)* [The evolution of the artistic consciousness of the Adygs (the experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Nal'chik: El'brus, 2006. 278 p.
2. *Khakuasheva M.A.* *Sovremennaya adygsкая russkoyazychnaya literatura: nekotorye aspekty khudozhestvennoi evolyutsii* [Modern Adyghe Russian-language literature: some aspects of artistic evolution]. Nal'chik: Print Tsentr, 2017. 411 p.
3. *Begieva-Kuchmezova R.* *Mgnovenii kol'tsa, vremeni krugi. Kniga prozy* [Rings of moments, circles of time. A book of prose]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2016. 244 p.
4. *Bolatova (Atabieva) A.D.* *Teoreticheskoe osmyslenie problemy khudozhestvennoi tsiklizatsii (karachaevo-balkarskaya poeziya i proza)* [Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkarian poetry and prose)]. Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». 2020. No. 3. Pp.187–204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204>

REFRACTION OF POSTMODERN AESTHETICS IN THE CYCLE OF SHORT STORIES BY R. BEGIEVA-KUCHMEZOVA (BOOK OF PROSE "RINGS OF MOMENTS, CIRCLES OF TIME")

A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article examines the dominant elements of the poetics of postmodernism in the work of an individual writer. The object of study is the works of the modern Balkarian author R. Begieva-Kuchmezova, published in the debut book "Rings of Moments, Circles of Time" (2016). In the review part of the study, the basic principles of this creative method are outlined, the influence of postmodern aesthetics on the formation of the author's style is emphasized. In the process of analysis, the possibilities of using the appropriate artistic tools in the cyclic construction of narrative texts are demonstrated, the methods of sequential coupling of autonomous stories (novellas and miniatures) into a single cycle based on end-to-end characters and thematic lines on the principle of framing are explained. The works are considered from the standpoint of genre affiliation, stylistic design and structural features. The specificity of their content is due to the multitude of allusive fragments and precedent inclusions that form a fantasy reality, a mystical worldview. The mentioned qualities are characteristic signs of the literary direction that the writer invariably follows in her work. In conclusion, the prospects for the development of Balkarian literature, its dynamics at the present stage are determined, new targets of artistic creativity are noted, ways of their implementation by the resources of postmodern poetics are displayed.

Keywords: postmodern aesthetics, author's style, narrative cycle, short story, allusion, intertext.

The article was submitted 09.10.2021

Accepted for publication 14.10.2021

For citation. Bolatova (Atabieva) A.D. Refraction of postmodern aesthetics in the cycle of short stories by R. Begieva-Kuchmezova (book of prose "Rings of Moments, Circles of Time"). News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS. 2021. No. 5 (103). Pp. 100–108. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-100-108

Information about the author

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street.
bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>